

Николай Пирогов

Автор:

Ольга Таглина

Николай Пирогов

Ольга В. Таглина

Николай Иванович Пирогов вошел в историю как человек, который сделал хирургию наукой, фактически открыл в ней новую эпоху. Но его деятельность была значительно шире. Ее результатом стали и уникальные по точности анатомические атласы, и принципиально новая техника проведения операций, и революционные труды по обезболиванию, и создание военно-полевой хирургии.

Пирогов был не только гениальным ученым, патриархом военно-полевой хирургии и травматологии, выдающимся анатомом, но и крупным организатором военно-медицинской службы, педагогом и общественным деятелем.

Как же формировался этот мощный характер, откуда взялась эта удивительная сила, позволившая Пирогову стать тем, кем он стал?

О. Таглина

Николай Пирогов

Николай Иванович Пирогов вошел в историю как человек, который сделал хирургию наукой, фактически открыл в ней новую эпоху. Но его деятельность была значительно шире. Ее результатом стали и уникальные по точности анатомические атласы, и принципиально новая техника проведения операций, и революционные труды по обезболиванию, и создание военно-полевой хирургии.

Важными чертами характера Пирогова являлись подвижничество, невероятное трудолюбие, неутомимость в поиске, умение отстаивать свои взгляды, ставить интересы дела, интересы общественные выше личных, научная принципиальность и честность.

Николай Иванович Пирогов был не только гениальным ученым, патриархом военно-полевой хирургии и травматологии, выдающимся анатомом, но и крупным организатором военно-медицинской службы, педагогом и общественным деятелем.

Как же формировался этот мощный характер, откуда взялась эта удивительная сила, позволившая Пирогову стать тем, кем он стал?

Николай Иванович Пирогов родился 13 ноября 1810 года в Москве в семье майора Ивана Ивановича Пирогова, служившего казначеем в провиантском депо, и его жены Елизаветы Ивановны. Из родившихся в семье четырнадцати детей большинство умерло в младенчестве. Шестеро остались в живых, Николай был самым младшим.

Семья жила поначалу безбедно. К заболевшим детям вызывали известных врачей, например, профессора Ефрема Осиповича Мухина, который поражал детей своим видом, голосом, уверенными интонациями, а главное – результатами лечения. После профессорских визитов детвора играла «в лекаря». Роль «знаменитого врача» неизменно брал на себя Николай, а «пациентами» выступали и братья, и сестры, и матушка, и служанка Прасковья, и няня Катерина Михайловна, а иногда даже кошка.

По стечению обстоятельств многие постоянные гости семьи Пироговых были причастны к медицине. Так, Григорий Михайлович Березкин, посещавший их, служил лекарем, был хорошим врачом, его латынь поражала энергией, блистала афоризмами и шутками. Но это была латынь медика. Березкин подарил Николаю справочник лекарственных растений. Именно с него начался первый пироговский травник – так тогда часто называли гербарии. Надо заметить, что Николай Пирогов надолго сохранил страсть к собиранию растений.

Другой гость, Андрей Михайлович Клаус, был весьма известным акушером, занимался прививками оспы. Он умел говорить с детьми на их языке, иногда давал им свой микроскоп и разрешал рассматривать разные препараты. Николая

просто невозможно было оторвать от этого замечательного прибора.

Поколение, к которому принадлежал Николай Пирогов, росло на легендах и былях только что отгремевшей войны с Наполеоном. Двенадцатый год тревожил юные умы, мальчишки самозабвенно играли в войну и обязательно побеждали врага, защищая свою Родину. Ровесник Николая Пирогова Александр Герцен писал: «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моею колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей».

В приходе церкви Святой Троицы в Сыромятниках, где жили Пироговы, сгорело при французах сорок четыре дома из пятидесяти. Дома постепенно отстраивали. Частным владельцам было предписано разбивать по обеим сторонам улицы на пожарищах сады. Отсюда, с Земляного вала, кольцо вокруг центра начинало превращаться в Садовое кольцо.

Дом майора Ивана Ивановича Пирогова был открыт и хлебособен, в нем имелась библиотека. Юный Николай был книголюбом. Одна из первых его книг – «Зрелище вселенная»: картинки с объяснениями к ним по-русски, по-немецки, по латыни. Фактически маленькая детская энциклопедия – восемьдесят иллюстраций в красном сафьяновом переплете. Короткие рассказы о Земле и небе, металлах и камнях, животных и растениях, о человеческих занятиях. Эти картинки из детских книжек Пирогов помнил потом всю жизнь. Даже в глубокой старости он мог их перечислить, потому что зрительные образы для него были яснее, отчетливее и долговечнее словесных.

На полках отцовского шкафа располагались толстые кожаные тома, среди которых были описания путешествий по разным провинциям Российского государства академика Петра Палласа, стихи Жуковского и Державина, поэмы Гомера, басни Крылова, Лафонтена, Эзопа. В углу перед киотом с образами стояло Евангелие – тяжелая книга в зеленом бархатном переплете, закрытом серебряными застежками.

Отец и мать проводили долгие часы за молитвою, читали и по требнику, и по псалтырю, и по часовнику. Николай знал наизусть множество молитв и псалмов. В семье свято блюли посты. В Великий пост даже кошке не давали скоромного. По праздникам выстаивали в церкви долгие службы.

Когда Николай подросток, он сдал экзамен в частный пансион Кряжева.

Василий Степанович Кряжев был человеком незаурядным, он написал, перевел и издал множество книг: учебники французского, английского и немецкого языков, арифметику, географию всех стран света; прекрасно декламировал стихи.

Русская словесность стала в пансионе для Николая любимейшим уроком. Словесник Войцехович учил не только слушать – учил понимать, поэтому Николай с охотой разбирал литературные произведения. Учитель надеялся увидеть своего ученика знаменитым филологом. Филологом Николай Иванович Пирогов не стал, но его литературный стиль всегда отличался безупречностью, он писал точно, сжато, образно, о чем свидетельствуют многие его тексты, в том числе и воспоминания.

Алгебра в пансионе Николаю не нравилась, но привлекала геометрия, более наглядная и зримая.

А вот танцы были мальчику совсем неинтересны. Он считал их немужским занятием. Николай не собирался отплясывать на балах. Он хотел лечить людей, как Мухин, или воевать, как Кутузов.

Еще совсем юный Пирогов был человеком весьма ответственным. Он завел тетрадь, сшитую из толстой серой с желтизной бумаги. Тетрадь называлась «Посвящение всех моих трудов родителю» и предназначалась в подарок отцу. Николай записывал в нее собственные сочинения в стихах и прозе, переложения прочитанного, а также свои мысли, рассуждения, почерпнутые из читаемых им книг. Во многих отрывках тринадцатилетний ученик частного пансиона уже ищет ответ на вопрос о задачах просвещения и воспитания. Его мысли, поначалу нечеткие, приобретают наконец строгую формулировку: «Истинный предмет учения состоит в приготовлении человека быть человеком». Эту идею Николай Иванович Пирогов позже положит в основу своих работ по педагогике.

Семья Пироговых была патриархальной, устоявшейся, крепкой, она казалась вечной – со своими законами и неизменным укладом. Но беды не обходили и ее. На глазах у Николая умерли от кори его сестра и брат. Это были первые смерти в жизни мальчика, смерти страшные и непонятные.

Другой брат Николая – Петр – оказался азартен, он играл в карты, делал непосильные для семьи карточные долги.

Николай тоже был азартен по своей природе, но никогда в жизни не играл в карты. Хотя, как и брат, любил рисковать. Позже, уже будучи сорокалетним, Николай Иванович признавался, что по своей страстной натуре он мог бы стать либо картежником, либо банковским спекулянтom. Но свой азарт он использовал иначе, на другом поприще, более интересном с его точки зрения, на поприще медицины.

Семья Пироговых мужественно переносила невзгоды. Смерть детей не могла разрушить ее, ведь это была одна из тех многодетных семей, где дети рождались каждый год и умирали тоже довольно часто. Неизбежные рождения и смерти уже как бы направляли русло жизни, освящались религиозными канонами. Карточный проигрыш, если он не чрезмерно велик, тоже не мог угрожать такой семье, дети росли и должны были делать ошибки: напиваться с непривычки, проигрывать в карты, тайно венчаться. Семью разрушило неожиданное разорение. Законы, традиции, семейный уклад – все выросло на материальном благополучии.

Но фундамент этого материального благополучия был уничтожен волею случая.

Как уже говорилось, Иван Иванович Пирогов служил казначеем. Однажды его сослуживец повез на Кавказ большие деньги – тридцать тысяч рублей – и исчез вместе с ними. Суд взыскал деньги с Пирогова. Все имущество было описано и продано. Для Пироговых пришло время нищеты, которая вытолкнула семью из привычного круга жизни.

Как ни странно, но неожиданная бедность, крушение семейного уклада способствовали появлению великого хирурга Пирогова. Произошло это так.

Из пансиона Николая забрали – за неимением денег для оплаты его обучения. Курс в пансионе был рассчитан на шесть лет, Пирогов проучился всего два года и получил документ следующего содержания: «Комиссионера 9-го класса сын Николай Пирогов обучался в пансионе моем с 5 февраля 1822 года катехизису, изъяснению литургии, священной истории, российской грамматике, риторике, латинскому, немецкому и французскому языкам, арифметике, алгебре, геометрии, истории всеобщей и российской, географии, рисованью и

танцеванью, с отличным старанием при благонаправленном поведении... Надворный советник и кавалер Василий Кряжев». Учеба закончилась...

Но тут на помощь пришел Ефрем Осипович Мухин, тот самый любимый семейный врач. Он сказал Пирогову-старшему, что сын у него толковый и его надо послать сразу в университет, не доучивая в пансионе – так будет дешевле.

Это была явная авантюра, потому что в университет тогда поступали с шестнадцати лет, а Николаю исполнилось всего четырнадцать. Но другого варианта просто не было.

Нанятый отцом студент-медик Василий Феоктистов занялся подготовкой Николая, а сам отец пошел по канцеляриям бить челом, совать «под локоток», то есть давать взятки. Благодаря его усилиям 1 сентября 1824 года «по императорскому указу» было удостоверено, что в формулярном списке Ивана Пирогова «значится в числе прочих его детей законно прижитый в обер-офицерском звании сын Николай, имеющий ныне от роду шестнадцать лет».

Теперь университет мог стать реальностью, но при условии, что Николай выдержит экзамены. И он сделал почти невозможное для четырнадцатилетнего мальчишки: готовился как одержимый и на экзаменах проявил подлинную зрелость и весьма обширные знания. Вот цитата из документов университетского архива: «По назначению господина ректора университета мы испытывали Николая Пирогова, сына комиссионера 9-го класса, в языках и науках, требуемых от вступающих в университет, в звание студента, и нашли его способным к слушанию профессорских лекций в сем звании».

Так 22 сентября 1824 года Николай Пирогов стал студентом Московского университета. На его книжных полках появились книги по анатомии, физиологии и фармакологии, а на столе – человеческие кости.

Николай Пирогов впервые по требованию правления университета написал расписку: «Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее не принадлежу и обязываюсь впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь. В чем и подписуюсь. Студент медицинского отделения Николай Пирогов».

Он ничего не знал ни о каких тайных обществах, а вот слова «Студент медицинского отделения Николай Пирогов» писал с гордостью.

От университета до дома было далеко, и обеденное время Николай Пирогов проводил в «10-м номере для казеннокоштных студентов» у бывшего своего учителя Феоктистова.

Осенью 1824 года, в тот самый день, когда «сын комиссионера 9-го класса» Николай Пирогов подавал прошение о зачислении студентом Московского университета, адмирал Шишков, министр народного просвещения, произнес речь, требуя «оберегать юношество от заразы лжемудрыми умствованиями». Царю же министр писал откровенно: «Прошу высочайшего позволения... по тушению того зла, которое хотя и не носит у нас имени карбонарства, но есть точно оно...» «Тушение зла» было высочайше позволено. Гонение науки стало политикой.

Случилось так, что Николай Пирогов сел на студенческую скамью в годы, трудные для науки. Но у него были хорошие учителя.

Он учился у профессора Христиана Ивановича Лодера, знаменитого анатома, доктора медицины. В свое время Лодер преподавал в Йене анатомию, физиологию, хирургию, акушерское искусство, медицинскую антропологию, судебную медицину и естественную историю. С 1810 года он жил в России, получил чин действительного статского советника и звание лейб-медика. Во время войны 1812 года Христиан Иванович был организатором крупных госпиталей. В 1818 году государь приобрел у Лодера богатое собрание анатомических препаратов и подарил его Московскому университету. Вскоре профессор занялся постройкой анатомического театра в Москве по собственному плану, затем стал безвозмездно читать лекции по анатомии в этом же театре для студентов Московского университета, дополняя их практическими занятиями.

Изучив хирургию у лучших специалистов Европы и в лучших анатомических театрах того времени, Лодер владел своим искусством в совершенстве. Он презирал рутину и всегда отстаивал высокий профессионализм при операциях. Как профессор Христиан Иванович отличался точностью своих наблюдений и полной ясностью изложения. В области теории хирургии он сделал много ценных наблюдений и обобщений, основанных на опыте, например, о лечении вывихов, водяной болезни, волчьей губы, рака в области рта и многое другое.

Другим учителем Пирогова был профессор терапии Матвей Яковлевич Мудров, который после Аустерлицкой битвы первым в России начал читать курс военной гигиены, был одним из основоположников русской военно-полевой хирургии и терапии. Мудров любил говорить молодым врачам: «Придерживайтесь сказанного Гиппократом. С Гиппократом вы будете и лучшие люди, и лучшие врачи». С именем Матвея Яковлевича связана реорганизация преподавания в России медицинских наук: были введены практические занятия для студентов и преподавание патологической и сравнительной анатомии, усилено оснащение кафедр учебно-вспомогательными пособиями.

Мудров был семейным врачом многих именитых семейств: Голицыных, Муравьевых, Чернышевых, Трубецких, Лопухиных, Оболенских, Тургеневых. С самых первых дней своей практики он скрупулезно записывал в тетрадках о диагнозе, особенностях течения болезней и тех средствах, которые применялись для лечения, а также об их эффективности, собирал истории болезней. Это позволяло в любой момент найти историю болезни того или иного больного, к которому пригласили Матвея Яковлевича, и возобновить в памяти способ лечения, который использовался в данном конкретном случае. Нередко много лет спустя после первого посещения того или иного больного к Мудрову обращались пациенты с просьбой отыскать в его книгах рецепт препарата, который им помог. Ни один врач Москвы, даже самый знаменитый, не располагал таким собранием практических наблюдений.

«Научитесь, прежде всего, лечить нищих, – говаривал студентам Матвей Яковлевич. – Богатого легче вылечить. Бедняку же и снадобье из аптеки выкупить не на что». Он считал, что не только снадобья приносят исцеление, но также «избранная диета, полезное питье, чистый воздух, движение или покой, сон или бдение в свое время, чистота постели, жесткость ее или мягкость». Не менее важными являлись, по его мнению, и душевные лекарства, поскольку они сообщают больным твердость духа, который побеждает телесные болезни. Первый же рецепт для здравия, который давал этот великий врач, был таким: «В поте лица твоего снеси хлеб свой. То есть трудись».

С этим рецептом Николай Пирогов был полностью согласен, что и подтвердил всей своей последующей жизнью, заполненной трудом, трудом и еще раз трудом.

Мудров так говорил студентам о пользе патологической анатомии: «Будучи поучаем ежегодными переменами модных теорий, я не вижу другой дороги добиться истины, кроме строгого исследования болезненных произведений... Над трупом мы будем ближе подходить к истине, исследуя произведение болезни и сравнивая минувшие явления с существом оной. Разбогатев в сих данных истинах, кои суть награды беспрестанных трудов, мы дойдем со временем до важных открытий...»

Пирогов как никто подтвердил эти слова, поскольку именно в практике анатомической он часто постигал истину.

Ефрем Осипович Мухин, способствовавший раннему поступлению Пирогова в университет, теперь тоже стал его учителем. Он сделал сотни хирургических операций, первые – под Очаковым, на поле битвы, добивался в России всеобщего оспопрививания. С утра до ночи Мухин трудился в больницах, изобретал новые способы лечения – электрические, гальванические, паровые. Заложил основы отечественной травматологии, разработал оригинальные методы вправления вывихов, лечения переломов и иммобилизации конечностей. Ефрем Осипович переводил учебники, сам написал «Начала костоправной науки» и «Руководство по анатомии». В университете читал анатомию, физиологию и судебную медицину, имел высшую ученую степень доктора медицины и хирургии и возглавлял кафедру анатомии. В 1816—1817-ми 1820–1824 годах Мухин избирался деканом медицинского факультета, что свидетельствовало о большом авторитете, который он завоевал у своих коллег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/taglina_ol-ga/nikolay-pirogov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)